

А. Е.
ЗАРИН

Сочинения



Андрей Ефимович Зарин

Пропавший артельщик

Действие рассказа происходит в начале века. Перед читателем проходит череда подозреваемых, многие из которых были врагами убитого. События в рассказе развиваются так, что одно преступление, как по цепочке, тянет за собой другое. Но нетерпеливого читателя в конце рассказа ждет необычная развязка. Главное действующее лицо рассказа — это талантливый и бесхитростный сыщик Патмосов Алексей Романович, который мастерски расследует невероятно запутанные дела. Прототипом этому персонажу, видимо, послужил светило петербургского сыска — знаменитый Путилин.

Содержание

I	.0005
II	.0008
III	.0011
IV	.0016
V	.0018
VI	.0024
VII	.0028
VIII	.0031
IX	.0037
X	.0039
XI	.0041
XII	.0042
XIV	.0049
XV	.0054
XVI	.0061
XVII	.0063
XVIII	.0065

Андрей Ефимович Зарин Пропавший артельщик

Когда Патмосов вышел проводить своего помощника — любителя Пафнутьева в переднюю, тот уже надел пальто, пожал руку хозяину и двинулся к дверям. Патмосов задержал его:

— Подожди минутку. Мне несут телеграмму!

Удивленный Пафнутьев остановился, горничная поспешила открыть дверь, и на пороге действительно показался телеграфный рассыльный.

— Патмосову!

— Давай сюда, — сказал Патмосов, черкнул карандашом на расписке свое имя, дал рассыльному монету и двинулся к кабинету, говоря Пафнутьеву:

— Войди на минуту! Ничего, что в пальто. Ну, куда зовут?

С этими словами он включил электричество, подошел к столику и развернул телеграмму.

— «Нужны немедленно. Дело, Нежин. Богучаров», — прочел он и засмеялся. — Ну вот,

ты тосковал без дела.

— При чем же тут я? — уныло заметил Пафнутьев.

— Непременно и ты! — воскликнул Патмосов. — Ты мой ученик, без тебя нет» школы». Ха — ха! — он развеселился. — Ну, начнем с газеты. Смотри поезда.

Он заглянул Пафнутьеву через плечо и сразу нашел справку.

— Отлично! Я еду в четыре курьерским. А ты — с вечерним. Снимешь в гостинице, там одна, дешевый номер и жди меня. Понял? Ну, иди!

Пафнутьев просиял от удовольствия и горячо пожал руку Патмосову.

В дверях он приостановился.

— Скажите, Алексей Романович, как вы узнали, что несут телеграмму?

Патмосов засмеялся.

— Эх, простота! Я живу на самом верху. Если кто идет сюда, значит, ко мне. Раз. Теперь одиннадцать часов. В гости ко мне мало кто ходит, и час для гостя поздний. Если по экстренному делу, то человек бежал бы, а этот шел типичной поступью рассыльного. Почта-

льону — поздно; посылному тоже. Значит...

— Телеграмма! — окончил Пафнутьев.

— Ну, вот! Подумаешь, так и хитрости никакой нет. Ну, иди!

Было девять часов прекрасного летнего вечера, когда Патмосов приехал в Нежин. Оставив свой чемодан на вокзале у сторожа, он спросил дорогу в контору постройки и пошел пешком.

Контора помещалась на лучшей улице города и занимала дом, нанятый у местного богатого помещика.

Миновав красивый решетчатый деревянный забор с крепкими воротами, Патмосов вошел в открытую калитку и очутился на широком дворе. Справа стояла сторожка и, видимо, баня; слева — конюшня и два сарая, а прямо перед воротами красовался прочный дом в два этажа, с резным крыльцом.

Патмосов поднялся по широкой лестнице на крыльцо и остановился у запертой двери, на которой была прибита жестяная дощечка с надписью: «Контора».

На его звонок дверь распахнулась, и молодой, рослый парень, заслонив дверь, спросил: — Вам кого?

Патмосов сказал.

— Кто там, Василий? — послышался оклик, и на пороге освещенной комнаты показался среднего роста, крепкий мужчина в чесучовой паре.

Он приблизился и тотчас радостно воскликнул, протягивая обе руки:

— Вы, Алексей Романович! Вот, спасибо! Я, признаться, вас раньше, чем завтра, не ждал. Василий, устрой самовар, ужин, вино подай; да живей!

Богучаров взял под руку Патмосова, провел его через небольшую, темную комнату, потом через просторную канцелярию и ввел его в свой кабинет.

У широкого окна стоял письменный стол, рядом — этажерка, по одной стене — чертежный стол, по другой — широкий оттоман и комод.

На столе ярко горела лампа и лежали листы исписанной бумаги.

— Это мой кабинет и спальня, — пояснил Богучаров, — а здесь столовая и тоже спальня! — он провел Патмосова в смежную, освещенную висячей лампой комнату, где стояли буфет, обеденный стол, стулья и такой же, как

в кабинете, оттоман.

— Вы здесь и расположитесь, — сказал он Патмосову, — а теперь садитесь. Сейчас за едой и поговорим.

Тем временем Василий, осторожно ступая, входил в выходил, приготавливая стол для ужина.

— Мой Личарда, — сказал шутливо Богучаров Патмосову, указывая на Василия, — смышлен, каналья, мастер на все руки и мне предан без лести.

Патмосов с аппетитом поужинал. Василий разлил чай. Богучаров подвинул ром и коньяк, предложил сигару и сказал:

— Ну — с, а теперь о деле!

Патмосов покосился на Василия, который расстилал теперь постели, но Богучаров тотчас же успокоил его:

— В моем рассказе секретов нет, а и будь они — Василий свой человек.

Патмосов кивнул.

— Вот какое у нас дело, — сказал Богучаров и начал свой рассказ: — Надо вам объяснить, что мы от Московско — курско — воронежской железной дороги проводим ветки Коноп — Пироговка, Рыльск — Суджа, Круты — Чернигов и Круты — Пирятин. Я заведую всеми работами, и здесь у меня помещается центральная контора. Тут у нас и касса, а в кассе нескораемый сундук, но в нем я обычно не держу больших денег. Тысячи две, три. Все же расчеты с подрядчиками я произвожу чеками на киевское отделение коммерческого банка

и, когда нам бывают нужны большие деньги, беру оттуда же.

Патмосов кивнул. Богучаров отхлебнул из стакана и продолжал:

— Такие случаи бывают два раза каждый месяц. Первого и пятнадцатого — расчет с рабочими. Берем тысяч до тридцати. И двадцатого — расчет со служащими, тысяч двадцать. В этих случаях едет наш артельщик в Киев, берет из банка деньги и привозит сюда, в сундук, и лежат они у нас не дольше, как двенадцать, четырнадцать часов. До Киева сто шестьдесят верст. Утром он уедет, а в девять или одиннадцать часов уже назад.

Патмосов допил чай. Василий неслышно взял у него стакан и налил свежего чаю, после чего почтительно отошел в сторону.

— Можешь идти теперь, Василий, — сказал Богучаров.

Он встал, проводил Василия и, вернувшись, продолжал:

— 25-го мая я, видите ли, в Москву уехал и вернуться мог не раньше, как числа 5-го, 6-го. Ну, а 1-го расчет, да еще надо было одному человеку здесь двенадцать тысяч отдать. Я, уез-

жая, и выписал чеки — на двенадцать и на двадцать тысяч. Всего на тридцать две. И уехал. Приезжаю домой сюда, и что же? Оказывается, артельщик уехал, деньги получил, в Нежин вернулся и пропал. Пропал, как иголка в стогу сена!

Патмосов с тем же невозмутимым видом курил сигару и медленно прихлебывал чай.

— Понятно, следствие, — уже волнуясь, продолжал Богучаров. — Узнал, что он деньги взял, в город приехал, но в контору не заходил и домой не вернулся. Следователь расспросил всех и решил, что артельщик скрылся с деньгами, напечатал публикации и успокоился.

Богучаров взволнованно перевел дух.

— А я уверен, что здесь преступление, что он убит! — заключил он. — Вот вас и выписал. Помогите!

Он замолчал. Патмосов опустил голову и сосредоточенно вылавливал из чая косточку от лимона. Выловив ее и бросив в блюдце, он спросил:

— У вас есть подозрения?

Богучаров смутился.

— Видите ли, — ответил он, — я не решил-ся бы сказать этого никому другому. Дело вот в чем. Матвеев, артельщик этот, лет пятидесяти, рябой, некрасивый и, кажется, довольно грубый, а жене его сейчас двадцать шесть лет. Бабенка вертлявая, смазливая. Детей у них нет, и про нее всякая сплетня ходит. Чертежник у меня тут был, разбитной такой малый и красивый. Лентяй и кутнуть любит. Я рассчитал его. Так она, говорят, с ним путалась.

— А артельщик ваш всегда деньги в сундук прятал, когда привозил?

— Всегда! Кажется, раз только с собой домой унес.

Патмосов кивнул.

— А кто у вас контору стережет?

— У ворот дворник. Внизу два сторожа: один Василий, вы его видели; а другой — Михай. Здоровенный мужик. При лошадях кучер, а здесь — я!

— А этого чертежника вы давно разочли?

— В середине мая, перед отъездом.

— Так что он мог знать про деньги?

— Вполне! — Богучаров махнул рукой. —

Да разве здесь утаишь что❖нибудь! Чеки проводятся по книгам, пишутся открыто, иногда весь день на столе лежат. По семейному. Я думаю, все знают, когда Матвееву ехать и сколько он привезет...

— Занятия у вас с какого часа?

— С десяти.

— Ну, значит, я успею осмотреться, — сказал Патмосов.

— Я к вам Василия приставлю.

— Пожалуйста. А теперь уже простите. В сон клонит.

Богучаров засмеялся.

— И я хорош! Уже два часа! Уморил вас. Сам❖то я выспался.

Он пожал руку Патмосову и вышел в соседнюю комнату, притворив дверь.

IV

Чуть только рассвело, Патмосов встал и полуодетый осторожно вышел из комнаты. Богучаров спал, обняв обеими руками подушку и оглашая комнату храпом. Патмосов тихо прошел мимо него и вошел в большую комнату с двумя высокими конторками, четырьмя письменными столами и шкапами вдоль стен. Это, несомненно, была комната счетоводов. Тяжелые, огромные бухгалтерские книги, на каждом столе счеты, на высоких иглах наткнутые квитанции. Следующая комната по фасаду, размером с кабинет Богучарова, была, несомненно, чертежная. Из средней бухгалтерской комнаты через маленький коридор можно было пройти в небольшую комнату, надвое перегороденную проволочной решеткой, с дверью и оконцем, как обыкновенно в кассах.

Патмосов задержался здесь и стал внимательно оглядывать каждый уголок комнаты. Дверь перегородки оказалась запертой, но сама перегородка не доходила до потолка. За проволочной решеткой стояли: небольшой

стол со счетами, стул и массивный железный сундук.

Патмосов с легкостью акробата перелез через перегородку и остановился подле сундука.

Постороннему наблюдателю показалось бы, что Патмосов читает какие-то микроскопические надписи, с такой внимательностью он осмотрел весь сундук и его замок.

Потом он присел на корточки и вдруг тихо свистнул.

Глаза его впились в одну точку. Он нагнулся, словно нюхая пол.

Не отрывая глаз от пола, он прополз на карачках до перегородки, перелез обратно, и опять пополз, то совсем пригибаясь к полу, то проводя по нему пальцами.

Из маленькой комнаты дверь вела в просторную переднюю. Все так же по полу на коленях Патмосов дополз до выходных дверей и здесь встал на ноги, после чего из передней через боковую дверь оказался в столовой, разделся, лег и почти тотчас заснул.

— Заспались с дороги! — услышал Патмосов голос Богучарова, раскрыл глаза и увидел инженера с полотенцем в руках. На столе шипел кипящий самовар, и Василий только что внес вычищенные одежду и сапоги Патмосова.

— Я в минуту! — сказал Патмосов, быстро вставая. Богучаров прошел к себе.

— Умываться сюда пожалуйста! — пригласил Василий.

Патмосов прошел за ним в переднюю, где на табуретке стоял таз. Василий взял кувшин с водою и помог умыться.

— Ты мне дом♦то покажешь? — спросил Патмосов, утираясь полотенцем.

— Сделайте одолжение! — ответил Василий и прибавил: — Дом♦то не велик. Обошли раз, и все!

— Что, Матвеева любили у вас?

Василий переступил на другую ногу.

— Ничего, все ладили.

— Жена ходила сюда?

Василий усмехнулся.

— Она бы ходила, да он не пускал. Ревновал очень. Тут чертежники, конторщики. Народ молодой.

— Убивается?

Василий опять усмехнулся.

— Непохоже. Да он, может, и убежал с деньгами♦то! Следовательно говорит: не иначе.

Патмосов вернулся в столовую и быстро оделся. Вошел Богучаров.

— Ну, с добрым утром! Чай пить будем?

Они сели за стол. Богучаров сказал:

— В вашем распоряжении это помещение и мой Василий, а я сегодня, раз вы уже здесь, на линию проеду. Будьте как дома. Если вам спросить надо насчет дела, то, пожалуйста, вот у него и еще у бухгалтера, а тот уже вам всякого предоставит.

Он допил чай и поднялся.

— Ну, я еду! Василий, вели подавать! — он взял фуражку и вышел.

Патмосов допил чай, взял палку и надел шляпу. В ту же минуту вернулся Василий.

— Ну, веди меня! — сказал ему Патмосов.

— Здесь вот и все! — указал Василий. — Сергея Петровича помещение и контора.

Это — касса. Теперь новый артельщик, — он, не останавливаясь, провел Патмосова через комнату, — здесь передняя. Народ толчется, а это — выход. Одни двери!

Он вывел Патмосова на площадку лестницы.

Патмосов спустился, сосчитав четырнадцать ступеней, и остановился на нижней площадке, на которой были две двери направо и налево, кроме выхода на двор.

— А это куда?

— Здесь кухня, — сказал Василий, — только ее мы занимаем. Я и Михей, сторожа.

Он отворил дверь. Открылась огромная комната с плитой и русской печкой. По стенам стояли две кровати, подле кроватей — сундуки; у окна — большой сосновый стол и табуретки.

При входе Патмосова с табуретки встал и вынул изо рта трубку высокий, плечистый и бородатый мужчина с угрюмым лицом. Он нехотя поклонился Патмосову.

— Другой сторож, Михей! — пояснил Василий и сказал ему: — Иди наверх! Сейчас собираться станут, а я при них!

— Ладно, — лениво отозвался Михей.

— Вот и все. А на той стороне, — сказал Василий, — такая же огромная комната. Была людская, а мы ее кладовой сделали.

Василий перешел на площадку лестницы и показал другую комнату. Она была действительно завалена всяким добром.

— Вот и весь дом! — заключил Василий.

— Отлично! — отозвался Патмосов, выходя на двор.

— С этой стороны двор, — показал Василий, — а с боков и сзади сад. Прекрасный сад! Пожалуйте!

Патмосов пошел за Василием.

Сад был действительно прекрасен. Густой, тенистый, он охватывал дом с трех сторон. В глубине сада стояла закрытая беседка.

— Хороший сад, — сказал Патмосов, возвращаясь назад и зорко осматривая дом.

— Лучший, можно сказать, в городе, — похвалился Василий.

— А это что? — вдруг спросил Патмосов, указывая палкой на маленькие окна в доме на уровне с землею. С переднего фасада таких не было.

Василий небрежно махнул рукою.

— Это? А это сухие погреба.

— Какие? — спросил Патмосов.

— Сухие! Это такие, что в них лед не кладут, а так, что в легком холоде держать надо.

Варенья там, вино и прочая...

— Что ж ты мне их не показал?

— А чего в них? — ответил, пожимая плечами, Василий. — Они у нас пустые.

— Любопытно поглядеть. Сухой погреб.

— Что же, пожалуйста!

Василий ввел его опять в дом, прошел за лестницу и подвел к маленькой двери, запертой на висячий замок.

Вынув из кармана ключ, он отпер замок и открыл дверь. На них пахнуло холодным воздухом.

Они спустились на шесть ступеней и очутились в полутемном узеньком коридоре с земляным полом.

Василий открыл дверь направо.

Патмосов увидел низкое, просторное помещение с глиняным полом, освещенное двумя окнами.

Пол погреба был слегка взрыт.

— А это почему?

— Глину берем отсюда, когда надо, — ответил Василий, — печку поправить или что...

— Так! — Патмосов вышел и толкнул другую дверь налево.

— То же самое! — сказал Василий. Патмосов окинул быстрым взглядом другой погреб и тотчас вышел.

— Я потому не показал, что пустое, — говорил Василий, ведя Патмосова назад. — А на дворе служба! — он запер дверцу в погреба и снова вывел Патмосова на двор.

Патмосов остановился.

— Ну, службы я и сам осмотрю, — сказал он, — а ты вот что сделай. Сходи на вокзал; там я у сторожа свой чемодан оставил. Принеси его!

Он дал Василию пятьдесят копеек.

— С полным удовольствием! — услужливо ответил Василий, бросаясь за шапкой в свое помещение.

VI

На Лицейской улице, в маленьком домике, окруженном садиком, жила молодая жена пропавшего артельщика.

Она разговаривала на кухне со своей прислугой, девчонкой Гапкой, когда у раскрытого окна показалась голова Патмосова и он, приподняв шляпу, спросил:

— Могу я видеть госпожу Матвееву?

Она вздрогнула и покраснела.

— Да, это я! — ответила она и тотчас засмеялась. — Вот дура♦то! Пожалуйте в комнаты, через крылечко. Я сейчас! — она пошла из кухни и открыла дверь.

Он вошел в чисто убранную комнату, служившую, видимо, и гостиной и столовой, и сразу приступил к делу.

— Я, сударыня, — сказал он, — сюда от артели прислан. Узнать все о пропавшем вашем муже.

Она сразу побледнела и испуганно взглянула на Патмосова.

— Что же вам надо?

— Все узнать, и, если вы что сказать може-

те, скажите!

Она опустилась против Патмосова на плетеный стул и сказала:

— Одно я знаю, что его убили! Да!

— Почему вы так думаете?

— Он очень честен был, чтобы сбежать с деньгами. И бежал бы тогда из Киева. Зачем ему сюда ехать? А потом, он и сам опасался.

Патмосов насторожился.

— Говорил что ◆нибудь?

— Да! Перед этим вдруг у кассового сундука замок испортился. Он тогда тоже деньги привозил. И разве это можно, — с волнением сказала она, — чтобы все знали, когда он за деньгами едет!

— Обычно он когда возвращался, если с деньгами?

— К девяти часам, а то и к одиннадцати. Зайдет в контору, деньги запрет и домой.

— А с собой уносил?

— Нет. Он очень боялся. Еще убьют, говорил.

— Я к вам до отъезда еще зайду! — сказал Патмосов, вставая.

Матвеева сразу повеселела и быстро вста-

ла.

— Пожалуйста! — ответила — она. — Я всегда дома, — и потом добавила: — Мне очень важно, чтобы доказали, что его убили. Тогда артель мне залог вернет.

Патмосов вышел и направился назад к конторе.

Работа была в полном разгаре. Костяшки счетов щелкали с непрерывным, сухим треском. Люди входили и выходили. За столами и конторками сидели служащие, уткнувшись в огромные книги, перебирая разноцветные бланки, считая, выписывая.

За высокой конторкой сидел бухгалтер. Эта был очень симпатичного вида, с открытым, радушным лицом господин.

Увидев Патмосова, он соскочил с высокого табурета.

— Бухгалтер, Антон Егорович Тугаев, — отрекомендовался он, — Сергей Петрович уже про все говорил.

Патмосов почувствовал крепкое дружеское рукопожатие.

В конторе на минуту водворилась тишина, и все присутствующие уставились на Патмо-

сова.

— Я хотел поговорить с вами, — начал он.

— Очень рад буду, — быстро сказал бухгалтер, — мы в три часа окончим занятия; теперь половина второго. Пожалуйста ко мне обедать, и поговорим.

— Отлично! — согласился Патмосов.

VII

Тугаев, идя с Патмосовым к себе домой, говорил без умолку, забавно жестикулируя и предупреждая в стремительной речи все вопросы Патмосова.

Он охарактеризовал всех служащих, пропавшего артельщика и его жену, прогнанного чертежника и самого Богучарова. Было интересно и забавно его слушать.

— А что вы думаете об этом случае? — осторожно спросил его Патмосов.

— Удрал с деньгами! — решительно сказал Тугаев. — Убить его никто не мог. Он был себе на уме. А следовательно у нас гениальная личность. Лекок! Вот и моя обитель. Милости просим! Катя, к нам гость; подавай обедать! — закричал он.

Патмосов следом за ним прошел через прекрасный сад и вошел в хорошенький домик.

Навстречу им вышла жена Тугаева, молодая, красивая женщина.

Тугаев снимал небольшую помещичью усадьбу. Они прошли на веранду.

— Совсем особняк, — сказал Тугаев, — кух-

ня через двор, и в нее звонок. Великолепно!

Они сели обедать.

За столом им прислуживала хорошенькая девушка с невинным детским лицом и большими карими глазами.

— Невеста нашего Василия, — тихо сказал Тугаев. — Необыкновенная чистота! Прямо хоть икону пиши!

Уходя от Тугаева, Патмосов сказал:

— У меня к вам просьба.

— Пожалуйста!

— Я пришлю к вам человека. Так вы его на несколько дней пристройте в кухне. Только от себя. Понимаете?

Тугаев усиленно закивал.

— Понял, понял! А перегородка сегодня не заперта!

— Благодарю вас!

Патмосов ушел.

Богучаров вернулся, когда Василий, уже приготовив постели для отдыха, подавал Патмосову самовар. Они напились чаю. Василий ушел. Богучаров поднялся.

— Ну, я спать. Заморился!

— Я попросил бы вас, Сергей Петрович, на-

завтра с раннего утра услать куда◆нибудь Василя, — сказал ему Патмосов.

— Будет, — ответил Богучаров, — а что?

— Да хотел бы основательнее все пересмотреть в доме, и чтобы никто не знал. Михай будет у вас наверху занят, а я и похожу по дому.

— Великолепно. Ничего нет проще! А у вас что◆то есть! — сказал он, стукнув себя по лбу. — Ну, спокойной ночи!

VIII

Патмосов опять поднялся с постели, чуть рассветло, и опять прошел в кассу, где стоял сундук.

На этот раз он внимательно осмотрел дверь перегородки, после чего вернулся и заснул снова.

Богучаров разбудил его, и Патмосов у стола увидал неповоротливого Михея вместо Василия.

— Исполнено, — сказал, смеясь, Богучаров, — до вечера не будет!

— Отлично! — отозвался Патмосов и пошел умываться.

Михей подавал воду.

— А где ты был в тот вечер, когда артельщик за деньгами уехал! — спросил его Патмосов.

— Я что? — лениво ответил Михей. — На именинах был, у кума. Еремеем звать. Пошли с кучером вместе в семь часов, а вернулись к утру.

— Кто же в конторе оставался?

— А Василий.

— И дворник?

— Кирилл о ту пору у барина Тугаева находился. Дворник у них запил, а барыня боялась. Он и пошел.

— Значит, Василий один был?

— Один. Да у нас тихо. Стеречь нечего. Для формы только.

Патмосов отдал ему полотенце и вернулся в столовую.

Богучаров уже пил чай.

— Сегодня я весь день дома. Обедать в три часа будем, — сказал Богучаров, — а до той поры оба займемся.

Тотчас после чая Патмосов начал свои розыски. Он вынул из чемодана клещи и отвертку, опустил их в карман и, взяв шляпу с палкой и портфель, вышел из конторы, но, спустившись с лестницы, он пошел не к двери, а за лестницу, к маленькой дверке, ведущей в сухие погреба. С помощью клещей он выдернул один из пробоев и спустился по лесенке; потом открыл дверь налево и вошел в погреб. В погребе он провел с полчаса, после чего вышел, закрыл дверь, тщательно приладил пробой на прежнее место и осторожно

пробрался в кухню.

Здесь он достал сапоги Михея и Василия и подошел к столу. В портфеле у него оказалось два восковых снимка со следов.

Он аккуратно примерил к ним сапоги. Лицо его выразило удовольствие.

Он поставил сапоги на место и затем с ловкостью заправского вора отвинтил петли у сундуков Михея и Василия, а затем без труда поднял крышки и стал шарить в сундуках.

После чего он привел сундуки в прежний вид, задвинул их на прежние места и вышел на лестницу.

Тихо насвистывая, что у него всегда служило признаком хорошего настроения, он вернулся в контору и обратился к Богучарову:

— Не можете ли вы мне устроить железный щуп. Знаете, палку, на конце острую, аршина в полтора.

— Скоро?

— Хоть сейчас, — ответил Патмосов.

— Ну, сейчас не успею, а к обеду!

— Отлично! А теперь я выйду.

— В три часа обед!

— Не опоздаю!

Патмосов направился к жене Матвеева.

Она сидела на ступеньке крыльца и, смеясь, весело говорила с чертежником.

Увидя сыщика, она страшно сконфузилась не то за свой смех, не то за собеседника и, торопливо поднявшись, спросила:

— По делу, верно?

— На одну минуту, — предупредил Патмосов и, вынув из кармана крошечный сверток, подал его Матвеевой: — Не узнаете ли?

Она с недоумением развернула бумажку и тотчас вскрикнула:

— Запонка Корнила Матвеича!

— Вы уверены?

— Как же! У него эта зацепка ослабла, и она раз выпала из рукава.

Патмосов взял от нее запонку и спрятал ее в жилетный карман.

— Благодарю вас. Больше ничего, — сказал он.

— Вы бы хоть чаю откушали...

— Некогда мне. Всего хорошего!

Патмосов вышел, и лицо его светилось торжеством победы.

Он опять вернулся в контору.

— Ну, вот вам и шест! — сказал Богучаров, указывая на угол.

Патмосов радостно ухватился за него, топорливо вышел и снова спустился в погреб.

К трем часам он вернулся с довольным лицом.

— Узнали что-то!

— Все, — ответил, смеясь, Патмосов и прибавил: — Кроме главного! Да, еще просьба: не можете ли вы весь завтрашний день никого не отпускать из конторы: ни Михея, ни Василия, ни дворника, ни кучера?

Богучаров кивнул.

— И еще! Скажите, пожалуйста, Василию и всем, что вы хотите его перевести.

— То есть как?

— Ну, на хорошее место в Петербург, Москву, в Сибирь, что ли! Только совсем отсюда, и подальше.

— С Машей? — засмеялся Богучаров.

— Можете и с нею. Вообще переводите в награду.

— Хорошо. Только что это вы задумали? Не Василий же?..

— Он, видите ли, необходим мне, — сказал

Патмосов, — а слух этот, чтобы других успокоить! — и он тихо засмеялся.

IX

Уже смеркалось, когда Патмосов подошел к подъезду единственной в городе гостиницы и спросил Пафнутьева.

— Номер четырнадцать, второй этаж направо, — ответил швейцар.

Патмосов поднялся и постучал в дверь. Пафнутьев сам раскрыл дверь и воскликнул:

— Наконец-то!

Они поцеловались.

Коридорный подал самовар и посуду. Пафнутьев заварил чай и достал ром.

— Ну, теперь слушай! — сказал Патмосов и, прихлебывая чай, рассказал ему все про исчезновение артельщика.

— А вы как решили, — спросил Пафнутьев, — убили его?

— Убили! — ответил Патмосов.

— И вы уже нашли? — с обидой спросил Пафнутьев.

— Нашел, все нашел, — ответил Патмосов, — кроме главного сообщника.

Пафнутьев заметно оживился.

— Надо найти еще одного. Их, видишь ли,

двое было. И потом — деньги. Деньги главное! Вот тебе и работа. Слушай♦ка! — и Патмосов по порядку рассказал про свои розыски, открытия, находки и догадки. — Ну, а теперь тебя на сцену! — добавил он. — Слушай внимательно. Оденься проще и завтра днем иди в контору вот с этим письмом, — он положил на стол письмо, — придешь, спросишь Тугаева и дашь ему письмо. Видишь ли, ты будто просишь место. Лакеем раньше у господ служил. Он тебя у себя на кухне пристроит. Понял? Ты там сойдись со всеми. Кажется, там кучер, дворник, повар и девушка Маша. И за этой Машей следи. Куда она, кто к ней. Если что узнаешь, то сообщи Тугаеву.

Х

Патмосов сидел в столовой и потирал себе руки от удовольствия.

Василий накрывал стол к обеду, и его лицо, вопреки обыкновению, было угрюмо. Михай сказал, что будто Богучаров отправляет его куда-то.

— Что это ты, словно с похорон? — шутливо спросил его Богучаров.

— Я... ничего!

— Хмурый! Или с Машей поссорился? Я тебе дело хорошее устроил, — не умолкал Богучаров.

Патмосов молча ел, исподлобья следя за ними.

— В Москву, в главную контору, верный человек нужен, так вот я о тебе и подумал. На три года, по шестьдесят рублей. Можешь и Машу взять. А?

Василий сделал видимое над собою усилие и ответил:

— Что же, я со всей готовностью. Хоть завтра!

— Лучше и не надо быть, — согласился Бо-

гучаров. — Завтра и поезжай.

Василий не ожидал этого и даже опешил. Потом с усилием улыбнулся и выдавил из себя:

— После обеда дозвоьте только к Маше сбегать.

Патмосов толкнул Богучарова.

— Сегодня, — ответил Богучаров, — лучше я к тебе Машу пришлю. Мы с Алексеем Романовичем уходим к Тугаеву, а контору на одного Михея я не хочу оставлять. Тебе ведь все равно?

Василий снова изменился в лице.

— Как вам будет угодно, — угрюмо ответил он и замолчал.

После обеда Богучаров и Патмосов собрались идти к Тугаеву.

— Так смотри же, не уходи. Я Машу пришлю! — сказал Богучаров Василию.

ХІ

Тугаевы встретили гостей с радостным возгласом:

— Вот отлично! Устроим винт, а потом я вас такой запеканкой угощу! — воскликнул Тугаев. — Катя, распорядись!

Жена Тугаева вышла.

— На веранде устроимся, — суетился Тугаев.

— У меня просьба к вам, — сказал Богучаров, — отпустите Машу к Василию.

— Можно! — ответил Тугаев.

На веранде закипел самовар; Тугаев раздвинул ломберный стол.

XII

Они доигрывали пятый робер, когда чуткое ухо Патмосова услышало легкий стук о перила веранды.

— Я на минуту оставлю вас, — Патмосов быстро встал и, выйдя из за стола, спустился в сад.

Пройдя несколько шагов, он увидел подле себя человека.

— Ты, Сеня? Уже вернулся? Что узнал?

— Пошел за ней следом, — тихо заговорил Пафнутьев, — она у Василия с добрый час пробыла. Вышла и, вместо дома, в сторону пошла.

Патмосов закивал головою и потер руки.

— Так, так! Ты за ней...

— Я за ней, — повторил Пафнутьев, — она — на базарную площадь, вошла в трактир, скверный такой, а через минуту назад...

— Не одна, — сказал Патмосов.

— Да! С ней какой то мужчина. Я в темноте не разглядел его, видел только, когда из дверей вышел. Одет рвано, борода щетиной. Они за будкой притаились. Я в темноте к

ним. Что говорили, не слышал, только и разобрал: «Буду», — сказал он. Потом он опять в кабак, а она домой!..

— Так, отлично! — тихо произнес Патмосов.

— Что теперь делать? — спросил Пафнутьев.

— За ней следить. Вовсю, голубчик! Завтра утром ко мне приди. Будто насчет места. Будто я нанял тебя, что ли.

Пафнутьев неслышно скрылся в темноте. Патмосов направился обратно к веранде.

— Ну, мы без вас бросили играть, — сказал Богучаров, — с вас два рубля и сорок копеечек!

— А теперь, господа, отведайте мою запеканку и карасей в сметане! — провозгласил Тугаев, суетясь у накрытого стола.

Час спустя Богучаров с Патмосовым возвращались домой.

— Что же, открыли еще что-нибудь? — спросил дорогою Богучаров.

— Каждый час приносит нам новое. Не будьте нетерпеливы, — шутливо ответил Патмосов.

— И завтра все?

— Думаю, что завтра.

— И деньги?

— Вероятно!

— Десять процентов ваши, — воскликнул Богучаров, — это премия.

— Идет! — согласился Патмосов.

Они постучали в калитку. Дворник тотчас отворил ее.

Патмосов отстал от Богучарова.

— Эту ночь не спи, Кирилл, — сказал он дворнику, — запри калитку, иди к себе и меня жди. Хоть всю ночь. Я заплачу тебе.

— Слушаю — с!

Патмосов нагнал Богучарова у дверей. Со скамьи поспешно поднялся Василий.

— Ну, вот и мы! — сказал Богучаров. — Постели готовы?

— Все сделал.

— Можешь идти, я запрю.

Василий тотчас ушел.

— Я сейчас и спать, Сергей Петрович! — сказал Патмосов, направляясь в столовую.

Он закрыл дверь, торопливо вынул из чемодана черные брюки с черной сатиновой ру-

башкой, револьвер и небольшой сверток. Затем он быстро переоделся в черное, задул лампу, крадучись, вышел из комнаты, открыл входную дверь и очутился на лестнице.

— Ну, ну! И это хорошо! Давай делить.

— Машка достанет их и завтра принесет. Ты пятьсот получил? Теперь как сделать?

— Их уж тютюкой звали! Фью! — слышался хриплый смех.

— Твое дело, — сказал Василий, — теперь тебе еще десять тысяч, и в стороны!

— Давай десять. Мне што! Уйду отсюда и закурю!

— То♦то, давай! Для того и звал. Как дать?

— Попроси отложить поездку. А ночью я опять буду, и поделим.

— А если гнать будет?

— Не соглашайся. Уедешь без дележа, тебе хуже. Мне все едино пропадать, а тебе не с руки! — и в сиплом голосе слышалась угроза.

— Для чего ж я звал тебя, — миролюбиво сказал Василий, — я по — честному. Ссориться не хочу.

— Ну и все! Значит, завтра об эту пору!

— Хорошо!

— Ну, и иди себе. Я курну, да и с Богом!

— Тогда прощай!

— Иди себе! Сторожи господ! — с насмешкой сказал сиплый голос. — А тот франт, значит, с носом?

— С носом! — уже выходя из беседки, ответил Василий.

В беседке вспыхнула спичка, и Патмосов увидел грубое лицо с крючковатым носом.

Патмосов ощупал левый карман и тихонько подкрался.

Приятель Василия несколько раз пыхнул папиросою, потом встал.

Патмосов замер. Приятель Василия прошел совсем подле него, бросив в траву папироску. Патмосов приноровился и, едва тот оказался к нему спиною, бросился на него, и в одно мгновение полузадушенный бродяга лежал навзничь на земле.

Еще мгновение — Патмосов ловко забил ему рот платком, что-то звякнуло, и приятель Василия почувствовал наручники. Он зарычал и с яростью вскинул ногами. Патмосов поднялся с земли.

— Поздно, милый! — спокойно сказал

он. — Ты лучше будь умницей, встань и иди за мной!

С этими словами он ухватил бродягу под мышки и, поставив на ноги, взял за шиворот.

— Вот так! А теперь пойдём.

Ловким приемом он ухватил его сзади и без труда повел из сада через двор в сторожку дворника.

— Тсс! — сказал он дворнику, увидев, что тот от изумления готов закричать. — Вот, на сбережение, бери!

Он толкнул бродягу, от которого дворник испуганно отшатнулся.

Наручники тихо звякнули.

— Мы его, Кирилл, пока в баню запрем, — сказал Патмосов, — ключ у тебя?

— У меня!

— Иди отопри! Тихо только.

Патмосов вывел своего пленника из сторожки, провел несколько шагов и втолкнул в низкую дверь бани.

— Давай веревку! Черкни спичкой.

Дворник зажег спичку. При ее свете Патмосов захватил ноги пленника, стянул их петлею, усадил его на лавку и завязал веревку

вокруг ножек лавки.

— До завтра не умрет, — усмехнулся он и обратился к пленнику: — Ну, до свидания, друг! Не сердись. Идем, Кирилл! Запирай!

Дворник послушно запер дверь.

Патмосов опустил ключ в карман и сказал:

— Смотри, никому ни слова! А то худо будет. Завтра, когда прикажу, возьми с собой ку-чера и веди его ко мне. Теперь иди спать!

XIV

Как и раньше, Патмосова разбудил Богучаров. Василий ловко и расторопно приготовил утренний чай.

Патмосов быстро встал, умылся с помощью Василия и сел за стол. Василий убрал его постель и вышел.

— Ну, — поздоровался Богучаров, — сегодня узнаем?

— Сегодня, — ответил Патмосов, намазывая масло на хлеб, — и сегодня же я еду.

— Так скоро?

— Чего вам еще? Четвертый день!

В это время появился Василий с письмом в руке.

— К вам от Антона Егоровича, — сказал он, подавая письмо Патмосову, — а на словах передать велели, что на службе не будут!

Богучаров поднял голову.

— Что с ним? Кто пришел от него?

— А новый человек их! — ответил Василий. — Говорит, нездоров.

Патмосов тем временем читал письмо, и лицо его выразило полное удовлетворение.

Это был отчет Пафнутьева, написанный им под видом письма от Тугаева.

Пафнутьев писал: «Я стерег Машу и не спускал с нее глаз ни на минуту. Вскоре, как вы ушли, все легли спать. Около двух часов ночи Маша выскользнула из кухни. Я — за нею. Она в сенцах достала заступ, после чего пошла прямо через двор в сад. Здесь она быстро начала копать. Я решил, что она достает деньги, подкрался к ней неожиданно и быстро ее схватил. Она вскрикнула. Я зажал ей рот и связал руки. В эту минуту на ее крик вышел на веранду сам Тугаев и чуть не застрелил меня. Я окрикнул его; он спустился ко мне и, когда я рассказал ему, в чем дело, оказал мне помощь. Связанную Машу мы отвели в чулан и заперли там до вашего распоряжения. Вернувшись, стали копать землю и почти тотчас нашли узелок с деньгами, завернутый в клеенку. Деньги сложили назад, не считая, завернули, как было, положили в яму и снова засыпали землю. Господин Тугаев вызвался сторожить деньги и Машу, а я пришел к вам. Что делать дальше?»

— Так. Отлично, — Патмосов сложил и

спрятал письмо в карман, — скажи этому Алексею, — обратился он к Василию, — чтобы он остался здесь и ждал меня. Я сегодня еду и его с собой увезу.

— Так это решено? — спросил Богучаров.

— Совершенно. Я свое дело кончил, — ответил спокойно Патмосов.

Василий повернулся и вышел.

— Вы знаете, что у вас есть сухие погреба? — поинтересовался Патмосов.

Богучаров кивнул.

— Ключ от них у Василия. Устройте так, чтобы все пошло с вами в эти погреба. И Василий. Возьмите Михея с лопатой. Поняли? Предлог? Ну, скажите, что хотите туда машину поставить!

В конторе послышались голоса.

— День начался! — сказал Богучаров, вставая.

Он вошел в контору, поздоровался со всеми, позвал Василия, приказал ему передвинуть столы и при нем обратился к старшему чертежнику:

— А что, Иван Иванович, не хотите ли со мною спуститься в наши погреба?

— Для чего?

— На днях к нам машина печатная придет. Так я хочу ее там поставить... Надо посмотреть, пройдет ли она, где установить ее и как с полом; настилать или оставить земляной. Ключ у тебя, Василий?

— У меня.

— Так и ты пойдешь. Вели Михею заступ взять!

— Сейчас хотите? — спросил Василий.

— Пока народ, и сходим. Пойдемте, Иван Иванович?

— Отчего же! Пойдемте!

— Отлично! — Богучаров обратился к остальным: — Господа, кто хочет в сухие погреба идти, посмотреть, куда машину поставить? Ум хорошо, а десять лучше!

Служащие поднялись со своих мест.

— А кто же в конторе останется? — спросил Иван Иванович.

— Артельщик и мой гость, Патмосов. Ну, Василий, веди!

Василий пошел вперед.

— Михей! — крикнул он. — Возьми заступ и иди с нами!

Михей выглянул из своего помещения.

— Иди, что ли! — повторил Василий. — Заступ возьми! Эх, дурья башка!

Михей взял из склада заступ.

Богучаров, Иван Иванович, конторщики спускались с лестницы. Василий отпер замок и распахнул низенькую дверь.

— А все♦таки прохладно, — сказал Богучаров, осторожно ступая по ступенькам.

Как только все ушли, Патмосов вышел в переднюю и, поздоровавшись с Пафнутьевым, сказал:

— Молодец, Сеня! Теперь все у нас. Я другого♦то тоже изловил. Ну, последний акт! Василия знаешь?

Пафнутьев кивнул.

— Ну, вот тебе наручники. Стань позади него и, как я махну, сразу его бери! Идем!

И он торопливо вышел на лестницу, а Пафнутьев за ним следом.

Василий ввел всех в погреб направо. Богучаров для виду приказал измерить его шагами, потрогал стены.

Чертежник стал говорить про недостаток света, когда в погреб вошел Патмосов и перебил его:

— А, вы тут! Преинтересные помещения. Вы в другой погреб не заглядывали еще? Помещение такое же, но занятней!

Было в его словах что-то такое, что все как-то невольно насторожились.

Патмосов взглянул на Василия и увидел, как лицо его побледнело и исказилось кривой усмешкой. За его спиной стоял наготове крепкий Пафнутьев.

— Сюда, — сказал Патмосов, открывая дверь в погреб налево, — только, пожалуйста, этих накрышек не трогайте! — указал он на куски картона, разбросанные на полу в разных местах.

Богучаров, чертежник, за ними остальные конторщики вошли в погреб.

— А где же Михей с лопатой?

— Михей, где Михей! Позовите Михея! Конторщики раздвинулись, и между ними протиснулся Михей с заступом.

— Вы позволите? — спросил Патмосов у Богучарова и, не дожидаясь ответа, указал ногою: — Копай здесь, Михей!

Василий стоял в самых дверях, а позади него стоял насторожившийся Пафнутьев.

Михей воткнул заступ и надавил на него ногою.

В ту же минуту произошло внезапное замешательство.

Василий вдруг повернулся и, видимо, хотел бежать, но Пафнутьев молниеносно ударил его в грудь, и, когда Василий вытянул руки, он сцепил их наручниками.

— Это что же? — спросил изумленный Богучаров.

— Убийца, — ответил Патмосов. — А здесь убитый! — и он указал на землю.

Василий, бледный как полотно, прислонился к притолке двери.

Среди присутствующих пронесся ропот.

Никто не хотел верить, чтобы общий любимец, Василий, мог быть убийцей.

Патмосов обратился к Богучарову:

— Что произошло убийство, я понял, увидел следы крови подле кассы. Их выскоблили и замазали краской, затерев воском. Упал, разбился... Копай, копай, Михей! В длину копай, до окна!..

В погребке царило молчание. Патмосов продолжал:

— Что замешан тут погреб, я догадался, когда Василий, показывая мне дом, избежал погреба, а потом неохотно показал этот, левый. Я сразу увидел на земле следы. На другой день вы услали Василия, а я осмотрел погреб. Вот следы...

Патмосов снял картонки, и Богучаров увидел ясные отпечатки сапог. С первого взгляда было видно, что следы оставлены двумя, а не одним человеком.

Михей перестал копать и уставился на следы.

— Василия сапог, — сказал он, указывая на один из следов, — я ему подметку подбил и срезал. Вон!

— Копай, копай! — остановил его Патмосов и продолжал: — Я тотчас сделал с них вос-

ковые снимки. Выходя из погреба, я вдруг увидел запонку. Серебряная чернь и золотая подкова.

— Матвеева! — крикнул один конторщик.

— Совершенно верно! Это мне сказала его жена. Значит, Матвеев здесь был. У него эта запонка плохо держалась и, значит, нечаянно здесь выпала. Как? Болталась рука, задела о косяк, и запонка упала. И я решил, что он здесь.

Патмосов указал на землю. Михей в страхе выронил заступ.

— Ну, трус! — сказал Патмосов. — Копай, не бойся!.. После этого я прошел в комнату служащих и пересмотрел их вещи. У Василия под кроватью сапоги, совершенно по этому следу. Это ведь и Михей признал! Глупый, он их снял и припрятал, вместо того чтобы износить или вовсе продать... Копай, Михей!..

Среди тишины слышалось только прерывистое дыхание Василия.

Все отшатнулись от него, и он стоял теперь у всех на виду, в трех шагах от ямы, которую копал Михей.

Патмосов продолжал:

— В сундуке его я нашел белые штаны, у которых правая штанина в крови. Я их там и оставил. Следователь их найдет! Он нес труп за плечами. У убитого была разбита с правой стороны голова, и кровь пачкала правую штанину!.. Но их было двое! Кто же второй? Я стал расспрашивать, кто оставался ночью в конторе тридцать первого мая, оказалось — он один. Дворник был у Тугаева на даче, Михай и кучер на именинах. Как произошло убийство, ясно. Артельщик приехал с вокзала и хотел спрятать в сундук деньги, но его схватили, убили, здесь схоронили, деньги отняли. Но их было двое. Кто был этот второй? Куда спрятаны деньги?

— И вы узнали? — спросил Богучаров.

— Узнал! Я нарочно попросил вас сочинить отъезд Василия. Это сразу подняло переполох.

Василий издал звук, похожий на рычание.

— Надо делить деньги, — продолжал Патмосов. — Если они у другого, надо получить свою долю; если они у него, надо выплатить товарищу; если они у третьего лица, надо их достать и опять так поделить. Значит,

необходимо всем видеться...

Богучаров и чертежник с нескрываемым изумлением глядели на Патмосова.

— И они увиделись, — сказал Патмосов. — В эту ночь я арестовал товарища Василия, прибежавшего к нему в сад на свидание.

— Вы? Один? — воскликнул Богучаров. Патмосов улыбнулся.

— При сноровке это очень легко. В эту же ночь Маша выкапывала в саду Тугаева деньги и была настигнута моим помощником! — он указал на Пафнутьева.

Василий с яростью взглянул на него и злобно рассмеялся.

— Где же они? — воскликнул Богучаров.

— Деньги там же, в земле. Их бережет Тугаев. Маша у него в чулане, а приятель Василия здесь!

Он вынул из кармана ключ и, подавая одному из конторщиков, сказал:

— Сходите, пожалуйста, к дворнику, дайте ему этот ключ и велите привести того... арестанта. Пусть с кучером идет!

Конторщик схватил ключ и выбежал.

— Копай, Михей! Теперь осторожнее. Поне-

многоу... Как я узнал, что здесь труп? Я просил у вас, Сергей Петрович, щуп и им прощупал!

Патмосов замолчал, и в тишине слышны были только хруп заступа и шум сбрасываемой глины.

XVI

В погреб донесся шум шагов, голоса, и через минуту кучер и дворник ввели соучастника Василия в его страшном преступлении.

Он глядел исподлобья, как затравленный волк. Проходя мимо Василия, он пытливо взглянул на него, и под его взглядом Василий словно оправился.

— Вот он, — сказал Патмосов, — я его вчера после свидания с Василием взял. Стой! — закричал он Михею и нагнулся. — Теперь снимай совсем осторожно!

Михей нагнулся и дрожащими руками стал вынимать тонкие слои глины.

Образовавшаяся яма имела вид могилы. Все столпились вокруг нее.

Слой за слоем сбрасывалась глина, и вдруг один из конторщиков крикнул:

— Волоса!

— Ухо! — крикнул другой.

Михей сбросил еще слой — и мало — по малу перед присутствующими обнаружился труп убитого Матвеева.

Уложить его было, видимо, трудно, и он ле-

жал на боку с подогнутыми ногами.

Одет он был в коломенковский пиджак и такие же брюки. Потемневшее лицо его было все залеплено глиной и казалось ужасным.

Все отшатнулись при виде страшной картины, и только один Патмосов стал на колени и совсем наклонился к трупу.

Через минуту он поднялся и сказал:

— Они его задушили веревкой. Набросили петлю. А когда он падал, то ударился о сундук головой. Отсюда и кровь!

Богучаров стоял бледный.

— Никогда бы не подумал про него, — прошептал он и спросил громко: — Что же теперь делать?

— Пошлите за следователем!

— А с ними?

— Отведите в тот погреб, и пусть пока постерегут.

XVII

Богучаров, едва Патмосов вошел в контору, горячо пожал ему обе руки и сказал:

— Я слыхал о вас много, но то, что видел, превосходит все рассказы.

— Пустое дело, — ответил Патмосов.

— Господин следователь! — объявил, вбегая, Михей.

В комнату вошел полный, с самодовольным лицом господин.

— А, наш Лекок! — поздоровался он с Патмосовым. — Позвольте познакомиться: следователь города Нежина, Анчуткин!

— Очень приятно, — сухо ответил Патмосов.

— Жду врача, — сказал следователь, — вы позволите пока снять с вас показания?

— К чему вам беспокоиться, — мягко ответил Патмосов, — было бы лучше, если бы вы все без меня сделали. Произведите следствие, улики все налицо, и кончено. А зачем я?

— Честь открытия! Хе — хе — хе, — смущенно засмеялся следователь.

— Я не гонюсь за ней, а время мне дорого.

Если угодно, так я вам пришлю по почте свое показание. Идет?

— Что же, если вы такой несговорчивый, — сказал с видимым удовольствием следователь.

— Вот и отлично!

— А деньги? — снова спросил Богучаров.

— А вы их уже с господином следователем с места возьмете, — сказал Патмосов.

— Доктор приехал! — доложил Михей.

— Ну — с, я иду! Надеюсь еще с вами встретиться, — любезно сказал следователь Патмосову.

Патмосов молча пожал ему руку.

XVIII

Следствие не обнаружило ничего нового. Убийство было совершено так, как его описал Патмосов. Убийцы во всем признались, называя во время своих показаний Патмосова» чертом».

Они осуждены были на каторгу, а Маша отделалась только тюрьмой.

К досаде следователя, явилась необходимость в показаниях Патмосова, и его удивительный розыск был оглашен на суде.